
Milya Ray
Он —
в её прошлом.
Но тень его
всегда рядом...
ТЕНЬ
твоего
ИМЕНИ
ЛЮБОВЬ · ТАЙНЫ · ПРЕДАТЕЛЬСТВО

Milya Ray
Тень твоего имени

https://litres.ru/74936649
SelfPub; 2026

Аннотация

Лейла уверена, что знает про свою жизнь всё. Мастерская дяди, долги, диплом, который никак не дописывается. А потом дождь, козырёк закрытой булочной и колючий незнакомец, который отказывается назвать фамилию.

Керим вернулся в Стамбул, чтобы возглавить семейное дело и выяснить, как на самом деле умер его отец. Пока он ищет правду, он встречает девушку, рядом с которой впервые за много лет можно побыть просто собой. Только у каждого из них есть то, о чём они молчат.

Когда Лейла находит в старой кладовке газетную фотографию, прошлое, которое от неё прятали шестнадцать лет, больше нельзя игнорировать. А у Керима в тайнике лежит папка, в которой всё сходится не так, как ему рассказывали.

Они оба ещё не знают, что их отцов когда-то поставили друг против друга. И что тот, кто это сделал, совсем рядом.

Содержание

ПРОЛОГ 4
Глава 1 8
*** 13
*** 15
*** 21
Конец ознакомительного фрагмента. 22

Milya Ray
Тень твоего имени

ПРОЛОГ

Мне было шесть, и я не знала, что этот стук в дверь я буду помнить всю жизнь.

Я проснулась не от самого звука, а от того, что мама перестала дышать. Она спала рядом, мы тогда часто спали вместе, потому что папа поздно возвращался с работы и мама ждала его, а потом засыпала у меня. В ту ночь она вдруг замерла. Я открыла глаза. В комнате было темно, из окна тянуло прохладой, пахло морем и чем-то горелым. Может, кто-то во дворе жёг листья.

Стук повторился. Негромкий, но очень ровный: раз, раз, раз. Так стучат люди, которые не торопятся, потому что знают, что им откроют.

Мама встала. Босиком, в ночной рубашке, она вышла в коридор и не закрыла за собой дверь. Я полежала, послушала. Внизу заскрипели ступени, это папа спускался из своего кабинета, где он сидел почти каждую ночь. Я вылезла из кровати, на цыпочках дошла до лестницы и села на самую верхнюю ступеньку. Туда, где можно смотреть вниз между

перилами и тебя не видно.

В прихожей горел жёлтый свет. Стояли двое мужчин в тёмных куртках, оба незнакомые. Один высокий, другой пониже, с папкой под мышкой. Рядом с ними мама, и она держалась обеими руками за косяк, как будто пол качался.

– Серхат? – сказал тот, что с папкой. – Вам нужно пройти с нами.

– Куда? – спросил папа.

– Мы всё объясним в участке. Там бумаги.

– Какие бумаги?

– Там объяснят.

Папа молчал. Я видела его только со спины, и спина у него была какая-то непривычная. Ровная и прямая, как у человека, который держит что-то тяжёлое.

– Азизе, – сказал он тихо. – Позвони Хасану.

– Я позвоню, – сказала мама, и у неё сорвался голос.

– Не плачь при ней.

Это он про меня. Он знал, что я не сплю, или просто так сказал, на всякий случай. Он вообще всегда говорил так, будто знал, что я рядом.

Он стал надевать пиджак. Тот висел на вешалке у двери, серый, в мелкую клетку, мой любимый, потому что от него всегда пахло деревом и немного табаком. Папа застегнул его, потом посмотрел вниз и заметил, что пуговицы идут не по порядку. Он перестегнул, и опять не так. Руки у него дрожали, я никогда раньше такого не видела. Один из мужчин

посмотрел на часы.

– Готовы?

– Готов, – сказал папа.

Он обернулся и поднял голову. Не знаю, как он понял, где я сижу. Но посмотрел прямо на меня, через перила, через весь полутёмный пролёт. Лицо у него было усталое, незнакомое. А потом он подмигнул. Левым глазом, быстро, как делал, когда хотел сказать: «Ничего страшного, это просто такая игра».

Я подмигнула в ответ. Только у меня получилось сразу двумя глазами, как всегда.

Он ушёл. Дверь закрылась. Замок щёлкнул один раз.

Мама стояла и не двигалась. Потом очень медленно подошла к двери и прислонилась к ней лбом. Плечи у неё ходили вверх и вниз, но звука не было. Она плакала так, чтобы я не слышала. Я сидела на лестнице и смотрела на её спину, и мне почему-то казалось, что если я пошевелюсь, то случится что-то ещё хуже.

Не знаю, сколько мы так провели. Минут пять, может, час. Потом внизу позвонили в дверь, и это был дядя Хасан, в куртке, надетой наспех, со взъерошенными волосами. Он обнял маму и увёл её на кухню. Они разговаривали шёпотом, и я слышала только отдельные слова: «адвокат», «утром», «не надо при ребёнке».

Я осталась на лестнице одна. Потом спустилась. В прихожей на полу, возле вешалки, лежала маленькая серая пуго-

вица, оторванная с нитками. Я подняла её. Она была ещё тёплой.

Я сунула её в карман пижамы и пошла спать.

Утром мама сварила мне какао и посадила за стол. Лицо у неё было опухшее, но она улыбалась, и в этой улыбке было что-то такое, от чего мне стало не по себе.

– А где папа?

– Он уехал, – сказала мама. – По делам. Ненадолго.

Я кивнула. Допила какао. Пуговица лежала у меня в кармане, и я трогала её пальцем всё утро, пока никто не видел.

Больше я папу не видела.

Глава 1

Дядя Хасан выключил свет в мастерской, пока я стояла к нему спиной. Не со зла, он всегда так делает, когда решает, что рабочий день закончился. А у меня на столе лежал чертёж лестничного пролёта, который я переделывала в третий раз, и мне нужно было ещё минут двадцать.

– Лейла, всё. Домой.

– Двадцать минут, дядя.

– Ты вчера тоже говорила двадцать минут. Я в одиннадцать вышел, а ты ещё сидела.

Он включил свет обратно, вздохнул и опустился на табурет у верстака. В руках у него была старая оконная рамка с трещиной, её привезли на прошлой неделе. Дядя крутил её и делал вид, что разглядывает дерево. Я прекрасно знала, что он разглядывает меня.

– Что? – спросила я.

– Ничего. Из банка письмо пришло.

Я отложила карандаш. Хорошо, что он сказал это вот так, между делом. Скажи он серьёзно, я бы разревелась. А так можно было промолчать и сделать вид, что я не расслышала.

– Сколько там?

– Тебе не надо знать.

– Дядя.

– Столько, что я теперь плохо сплю. Но ты не лезь, у тебя

диплом. Разберёмся.

Он вечно говорил «разберёмся», как будто это слово что-то решало. Мастерская держалась на старых заказчиках, которые расплачивались по полгода, и на мне, потому что я брала работу и после лекций, и по выходным. Папы у нас не стало, когда я была маленькая, и дядя с тех пор помогал нам с мамой, как мог. Его дом стоял в двух шагах от нашего, мастерская тоже недалеко, и я почти выросла между ними. «Разберёмся» у нас было вместо молитвы.

Я свернула чертежи в тубус. За окном было совсем темно, хотя на часах только половина седьмого. Октябрь в Стамбуле дурацкий месяц. Днём тепло, а к вечеру в воздухе что-то такое висит, будто сейчас польёт, а оно всё не льёт и не льёт.

– Зонт возьми, – сказал дядя.

– Дождя не будет.

– Лейла.

– Ну хорошо, хорошо.

Я взяла зонт. Просто чтобы он отстал. На улице я остановилась на крыльце и подняла голову. Тучи шли низко и быстро, со стороны Босфора, как будто их кто-то гнал.

Дождь пошёл ровно в ту секунду, когда я полезла в сумку и вспомнила, что оставила зонт на верстаке.

Возвращаться было поздно, да и лень. Я прижала тубус к груди и побежала вдоль улицы, туда, где у закрытой булочной был козырёк. Добежала, влетела под него и только потом увидела, что тут уже кто-то стоит.

Парень. Высокий, в хорошем тёмном пальто, которое на глазах превращалось в мокрую тряпку. Волосы прилипли ко лбу. Одной рукой он придерживал пальто на груди, как будто там что-то лежало, что нельзя мочить.

– Тут занято, – сказал он, не поворачиваясь.

– Это козырёк. Он общий.

– Он маленький.

– Тогда надо было приходить раньше.

Он наконец повернул голову и посмотрел на меня. Не знаю, чего я ждала. Наверное, что он улыбнётся или отойдёт. Он не сделал ни того, ни другого. Просто смотрел секунды три, потом сказал:

– С тубуса течёт.

Я глянула вниз. Течёт. Вода собиралась на крышке и капала мне на ботинки. Я развернула тубус от себя, чтобы капало на асфальт, и тут же поняла, что он был прав и что от этого стало ещё обиднее.

– Спасибо, я заметила.

– Там чертежи?

– Вам-то что?

– Ничего. Просто если там чертежи, то лучше держать вертикально, а не как ребёнка.

Я сказала ему, что в советах не нуждаюсь. Он сказал, что и не советует, а констатирует. Я сказала, что констатировать можно и молча. На третьей реплике я заметила, что мы стоим почти вплотную, потому что козырёк правда был малень-

кий, а дождь шёл уже боком. Спорить дальше было как-то глупо, и мы замолчали.

Минуты через две из булочной вышел хозяин, дядька с усами, в фартуке. Увидел нас, покачал головой и молча протянул два стаканчика чая в тюльпанных стаканах, горячего, с блюдцами. Вот так вот, в дождь, мокрым незнакомцам.

– Я закрыт, – сказал Хакан. Я знала его, он каждое утро продавал мне симиты по дороге в университет. – Но чай есть. Пейте и не скандальте.

Мы выпили. Чай был крепкий, чуть горчил. Парень держал свой стакан двумя руками и смотрел на дорогу, по которой плыли лужи с огнями.

– Керим, – сказал он вдруг.

– Что?

– Меня так зовут. Просто чтобы знать, на кого ты сердишься.

– Лейла.

– Лейла. – Он сказал это так, будто пробовал на вкус. – Ты всегда такая колючая или у тебя день плохой?

– Всегда.

– Понятно.

Он усмехнулся, и вот тут я его в первый раз нормально разглядела. Красивый, это да. Но не как с обложки, а как-то неудобно красивый, как человек, которому это мешает. И глаза усталые, хотя ему лет двадцать пять, не больше.

Дождь стал реже. Я допила чай, поставила стакан на блюд-

це и сказала:

– Мне пора.

– Можно я тебе напишу?

Я ничего не ответила. Минуту стояла и смотрела на него, пытаясь понять, чем это пахнет. Он не давил, не улыбался этой своей липкой улыбкой, как те, которые знакомятся в метро. Просто стоял и ждал, а в руке всё ещё держал свой чай.

– Ладно, – сказала я. – Пиши.

Продиктовала номер. И сама удивилась, зачем.

***

Он написал в тот же вечер. Я как раз лежала на кровати у себя в комнате, смотрела в потолок и злилась на себя, что вообще вышла без зонта.

«Это Керим. Твой тубус выжил?»

Я хотела ответить сухо. Ответила: «Выжил. Дорогой Керим, он вам не друг, не надо за него волноваться».

«Понял. Тогда за тебя?»

Я долго смотрела на экран. Потом написала: «Не надо».

Он написал: «Хорошо. Тогда я просто ничего не скажу и пойду спать».

Через полминуты прислал фотографию: его рука с чашкой, чай уже остыл. И подпись: «Хозяин булочной был прав, чай у него лучше».

Я хмыкнула и убрала телефон. Потом достала снова.

Так оно и пошло. Он не писал много, но когда писал, то всегда что-нибудь такое, из-за чего я улыбалась в телефон, как дура. Спрашивал, над чем я сижу, и я рассказывала про эту лестницу, про диплом, про то, как дядя гасит свет. Он слушал, то есть отвечал именно на то, что я написала, а не на что-нибудь своё. С парнями у меня такого не бывало. Они обычно отвечали так, как будто ждали своей очереди говорить.

Про себя он говорил мало. Приехал недавно, жил за гра-

ницей, сейчас дома, дела семейные. Я один раз спросила: «А фамилия у тебя есть?» Он ответил: «Есть. Потом расскажу, там долго». Я сказала: «Не люблю, когда уходят от ответа». Он написал: «Я не ухожу. Я откладываю. Это разное».

Я долго думала над этим. Вообще-то, наверное, разное. Но неприятно кольнуло. Я терпеть не могу, когда мне врут, а он вроде бы не врал. Просто что-то держал при себе. Я решила, что подожду.

***

Прошло четыре дня. Или пять. Я перестала считать. В тот вечер я лежала на кровати, листала чат и сочиняла ответ на его вопрос, любимый ли у меня цвет. Написала «зелёный», стёрла, написала «серый», стёрла, и тут меня как током ударило.

Кладовка.

Дядя ещё в понедельник просил разобрать кладовку в мастерской, потому что на днях должен был прийти клиент смотреть старые рамы, а там всё свалено. Я сказала «хорошо». И забыла. Совсем.

Я вскочила, натянула кофту, схватила ключи. Мама из кухни что-то крикнула вслед. Я крикнула «в мастерскую!» и вылетела за дверь.

Было почти девять. Мастерская стояла тёмная и пахла деревом. Я включила свет, прошла в самую глубь, к кладовке, и открыла дверь. Оттуда вывалилась пыль и три коробки с чем-то звякающим.

Я начала с верхней полки. Разбирала по порядку: рамы к рамам, петли к петлям, старые инструменты в ящик. Часа через полтора дошла до нижней полки, где лежали стопки журналов и газет. Дядя ничего не выбрасывал. Журналы по архитектуре с девяностых, газеты за разные годы, какие-то каталоги. Я перекладывала их в коробку, чтобы вынести, и

на одном из журналов вдруг заметила обрезанный край газетного листа, торчащий из середины.

Я потянула. Лист вышел целиком.

Старая газета, жёлтая, ломкая. Раздел про экономику. Сверху фотография: группа мужчин в костюмах у входа в какое-то здание, торжественное открытие. Подпись обрывалась, кусок был оторван. Я сначала глянула мельком и уже хотела положить в коробку, но взгляд зацепился.

В центре стоял мужчина лет сорока. Высокий, с проседью, смотрел в камеру прямо. И я вдруг поняла, что знаю это лицо. Не его, но линию подбородка. Манеру чуть наклонять голову, как будто слушаешь не того, кто говорит, а того, кто молчит. Я видела это совсем недавно. Совсем.

У меня заныло в животе.

Сзади скрипнула дверь. Я вздрогнула. Дядя стоял на пороге с пакетом из булочной.

– Ты чего тут в такое время?

– Кладовку разбираю. Ты же просил.

– Я просил до пятницы. – Он поставил пакет на верстак и подошёл. – Что нашла?

Я протянула ему газету. Не знаю, зачем. Мне показалось, что он должен посмотреть.

Дядя взял лист. Посмотрел на фото. Я видела, как у него сначала дёрнулась щека, потом исчез цвет с лица. Он очень медленно, будто боясь что-то расплескать, сел на табурет.

– Где ты это нашла?

– Тут. Между журналами. Дядя, кто это?

Он молчал. Я никогда не видела его таким. Он, который гасит свет, который спорит со мной из-за двадцати минут, который говорит «разберёмся», вдруг превратился в старого человека, у которого кто-то выключил свет.

– Дядя.

– Сойкан, – сказал он наконец. Тихо, как будто выругался. – Тарык Сойкан.

– Кто?

Он поднял глаза. И я поняла, что для него эта фамилия значит что-то такое, чего для меня не значит ничего. Он смотрел на меня и, кажется, впервые за много лет не знал, что сказать.

– Лейла. Иди сюда. Сядь.

Я села на ящик. Дядя положил газету на колено, разгладил ладонью.

– Мне надо тебе кое-что сказать. Мы с твоей мамой решили давно, что тебе не надо знать. Что ты маленькая. Что это ничего не изменит. А потом время шло, и стало как будто поздно.

– Что не надо знать?

– Про твоего отца.

Мне стало холодно. Не от слов, а от того, как он это сказал. Не «про папу», а «про твоего отца». Так говорят про чужого.

– Вы мне сказали, что это был несчастный случай, – сказала я.

– Это неправда.

Он замолчал. Я слышала, как в стене капает вода.

– Твой отец, Серхат, работал с этим человеком, – дядя кивнул на фотографию. – Вдвоём вели дело. Потом пропали деньги. Много. Сойкан пошёл в суд и сказал, что их украл твой отец. Были бумаги, подписи. Твоего отца забрали. Я ходил по адвокатам, продавал что мог, чуть дом не заложил. Ничего не помогло. Он умер там, в тюрьме, через полтора года. Я потом много думал, что он ничего не крал. Что его просто подставили. Но доказать ничего не смог.

Я сидела и смотрела на него. Мне казалось, что я слышу его слова, но они не складываются во что-то, что я могу понять. Тюрьма. Подставили. Отец, которого я помнила по двум-трём картинкам: его руки, пахнущие деревом, его смех в коридоре. Вор. Так про него говорили. Где-то. Кто-то. Всю мою жизнь.

– Вы мне врали, – сказала я.

– Мы хотели тебя защитить.

– От чего? От правды?

– От этого. – Он показал на газету. – От мыслей про них. Я не хотел, чтобы ты жила и думала, что у тебя есть враги. Что у нас всё отобрали. Чтобы тебя это ело изнутри. Твоя мама попросила, чтобы я молчал, и я молчал. Всё это время.

– Мама знает?

– Знает.

Я не плакала. Странно. Вот так сидела, и в голове было

пусто и звонко, как в пустой банке.

– Он тоже умер, – сказал дядя. – Три года назад. Говорят, сердце. Мне было всё равно. Я не пошёл на похороны, и ни один из наших не пошёл.

– А его семья?

– Жена. Сын, кажется, был, учился за границей. Я не следил.

Сын. Я вцепилась пальцами в край ящика.

– Почему ты спрашиваешь? – Дядя наклонился ко мне. – Лейла. Почему ты спрашиваешь про его семью?

Я могла сказать. Про козырёк, про чай, про Керима, про четыре дня сообщений. Открыла рот и закрыла. Потому что сама ничего не знала. Фамилии у него нет. Есть только лицо на фотографии, которое показалось мне знакомым. Может, мне просто кажется. Мало ли похожих людей на свете.

– Просто так, – сказала я. – Странно, что у нас это хранилось.

Дядя долго смотрел на меня. Я видела, что он не верит. Но он не стал давить. Взял газету, свернул вчетверо и убрал во внутренний карман.

– Выброшу. А ты иди домой. И маме не говори, что я тебе рассказал. Я сам с ней поговорю. Потом.

– Хорошо.

– Лейла.

Я остановилась у двери.

– Прости нас.

Я кивнула, потому что ничего другого не могла.

Домой я шла пешком. Шла и смотрела под ноги. Было сухо и тихо. Ни облачка.

***

В квартире было тихо, мама уже легла. Я скинула кофту и прошла к себе, стараясь не шуметь. Села на кровать. Телефон в руке завибрировал почти сразу. На экране: «Керим».

Я смотрела, как он звонит. Один гудок. Два. Три. Палец завис над кнопкой. Мне хотелось ответить так, что аж зубы свело. Услышать его голос и спросить прямо: какая твоя фамилия? Кто твой отец? Но я не знала, что буду делать с ответом.

На четвёртом гудке я нажала «отклонить».

Телефон тут же снова загорелся. Сообщение: «Ты чего не берёшь?»

Я написала ответ и долго не отправляла. Потом всё-таки отправила:

«Не сегодня, Керим. Мне надо сначала понять, кто ты».

И выключила телефон.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.